

Капитан Алатристе

Чистая кровь

Испанская ярость

Золото короля

Кавалер в желтом колете

Корсары Леванта

Мост Убийц

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Кавалер в желтом колете
Корсары Леванта
Мост Убийц

Санкт-Петербург

Кавалер в желтом колете

Враги — и многочисленны, и рьяны —
Его объехать тщились по кривой.
Боец изрядный, хоть и рядовой,
Молвой произведен был в капитаны.

Торил ему по свету путь кровавый
Не ведающий жалости клинок...
Попробовал бы он не быть жесток:
Какие времена — такие нравы¹.

¹ Здесь и далее стихи, кроме отмеченных особо, — в переводе А. Богдановского. — *Примеч. ред.*

I
ТЕАТР ДЕ ЛА КРУС

Диего Алатристе не иначе как бес попутал. Вместо того чтобы смотреть в Театре де ла Крус новую пьесу, он дрался на Пуэрта-де-ла-Вега с совершенно незнакомым ему человеком: как зовут — и то неизвестно. На первое представление комедии Тирсо де Молины, о которой много было разговоров в городе и при дворе, устремился весь Мадрид: люди заполнили театр до отказа и выстроились в очередь на улице, готовые пустить друг другу кровь по столь основательному поводу, как кресло в партере или стоячее место, ибо в те времена выхватить шпагу было все равно что перекреститься; тем более что в такой толчее поневоле кого-нибудь толкнешь и тотчас услышишь: «Поосторожней, черт побери, глядите, куда лезете!» — «Я бы посоветовал вам, сударь, самому разуть глаза». Слово за слово, и готово дело. Именно подобный обмен любезностями сделал поединок неизбежным, и Алатристе, проведя двумя пальцами по усам, заметил своему собеседнику: тот вправе давать ему любые советы, но только не здесь, а буквально в двух кварталах отсюда, на Пуэрта-де-ла-Вега, где они смогут выяснить отношения с оружием в руках. Если, конечно, духу хватит. Судя по всему, с присутствием духа у запальчивого молодого человека все обстояло благополучно, и оттого собеседники, не обменявшись более ни единым словом, направились на берег Мансанареса, держась не только рядышком, словно закадычные друзья, но и за рукояти шпаг, которые сейчас, вылетев из ножен и скрестясь, так весело звенели и сверкали в лучах заходящего солнца.

...Капитан удвоил внимание и не без труда отбил первый опасный выпад своего противника. Он злился и досадовал, но больше на себя, а еще больше — на собственную злость. Потому что она — скверное подспорье в таких делах. Когда на кону стоят жизнь или здоровье, фехтование требует полнейшего хладнокровия и некой даже бесчувственности, а злость и досаду затаи в душе, если не хо-

чешь, чтобы вместе с нею вылетели они через треугольную дырочку в колете. Алатристе знал это правило, но ничего не мог с собой поделать. Именно в таком расположении духа вышел он нынче из таверны «У турка»: Каридад Непруха с ходу, едва успев воротиться от мессы, затеяла большой скандал с битьем посуды, вследствие чего капитан удалился, хлопнув дверью, а к началу спектакля опоздал — и именно своему скверному настроению обязан был тем, что лишился возможности, рассуждая здраво и выражаясь учтиво, избежать поединка по столь вздорному поводу. Но теперь уже было поздно, назад не отыграешь. Противник ему попался не из последних — быстрый, увертливый, с хорошо поставленным ударом и явным навыком в таких делах. Он перемежал короткие выпады с искусными финтами, отступал, словно готовясь рубануть шпагой, а на самом деле старался улучшить момент, припасть на левую ногу и ухватить капитанов клинок крючками на эфесе своего кинжала. Старый трюк, однако может привести к успеху, если зорок глаз и рука тверда, но Алатристе, человек опытный и закаленный в подобных переделках, разгадал замысел противника, на уловку эту не поддавался, внимательно следил за его левой рукой, не позволяя ему исполнить хитрое намерение, а сам тем временем выматывал его. Человеку, с которым ему довелось сойтись в бою, немного перевалило за двадцать, он был хорош собой, и что-то неуловимое в облике его подсказывало капитану, что с ним дерется свой брат — вояка, солдатская кость, — хоть и одетый, как принято у молодых и знатных мадридцев: короткие замшевые сапоги, *ропилья* тонкого сукна, хорошие плащ со шляпой, сейчас брошенные наземь, чтоб не мешали. Нет, он молодец — совсем не трус, держится стойко, рот держит на замке и ничуть не фанфаронит. Алатристе не купился на ложный выпад, сместился еще на четверть окружности вправо, так что солнце было теперь в глаза противнику. Будь все проклято! К этой минуте на сцене отыграли не меньше половины первого действия «Садов Хуана Фернандеса».

Пора кончать, решил он, но горячку пороть не надо. Ни горячку, ни брюхо противнику — нечего осложнять себе жизнь убийством среди бела дня. Алатристе сделал вид, что собирается нанести удар вверх, ушел вправо, опустил клинок, защищая корпус, и, стремительно рванувшись вперед, полоснул противника кинжалом по голове. Это против правил, сказал бы любой секундант, но секундантов не было, а была Мария де Кастро, уже вышедшая на сцену Театра де ла Крус, до которого, между прочим, еще шагать два квартала. Какие уж тут фехтовальные изыски! Так или иначе, поединок он выиграл. Юноша побледнел, упал на колени, а из рассе-

ченного виска густо и ярко хлынула кровь. Кинжал он выронил, а на шпагу опирался, пытаясь привстать, но Алатристе, вложив клинок в ножны, подошел вплотную и добрым пинком выбил оружие у него из рук. Подхватил, не дав свалиться навзничь, достал из-за обшлага чистый платок и, как умел, перевязал глубокую царапину.

— Как вы смотрите на то, что я сейчас откланяюсь? — осведомился он.

Но раненый смотрел осоловело и не отвечал. Алатристе, сердито засопев, пояснил:

— Дел много.

Дождавшись наконец слабого кивка, поддержал за плечо, помог приподняться. Из-под платка продолжала струиться кровь, но Алатристе рассудил: скоро уймется, парень молодой и крепкий.

— Сейчас позову кого-нибудь.

Почему-то не получалось плюнуть на все да идти своей дорогой. Он задрал голову к верхушке башни Алькасара, вздымавшейся над крепостными стенами, потом глянул вниз, на Сеговийский мост. Никого. Ни альгвасилов — впрочем, это как раз недурно, — ни прохожих. Ни единой живой души. Весь Мадрид сидит в театре, рукоплещет Тирсо, а он торчит здесь, попусту теряя время. Может быть, нетерпеливо подумал Алатристе, принанять за горстку медяков какого-нибудь разносчика или носильщика — их много, наверное, ошивается у Пуэрта-де-ла-Вега в ожидании приезжих, — и пусть тащит этого малого в гостиницу, к черту или к дьяволу. Куда угодно. Вновь усадил раненого на камень — обломок поваленной стены. Подобрал с земли и протянул ему плащ, шляпу, шпагу, кинжал.

— Ну, что еще я могу для вас сделать?

Тот дышал медленно и прерывисто, и лицо его оставалось меловым. Поднял голову, долго — как видно, все плыло и расплывалось у него перед глазами — смотрел на капитана и проговорил наконец хрипло и слабо:

— Как ваше имя?

Алатристе надел шляпу, предварительно отряхнув ею запыленные сапоги, и ответил неприязненно:

— Вам нет дела до моего имени. А мне — до вашего.

Когда гитары возвестили конец интермедии, мы с доном Франсиско увидели капитана: сняв шляпу, перебросив через руку свернутую епанчу, склонив голову и придерживая шпагу, он пробирался через густую толпу, заполнявшую патио и вообще все поме-

щение театра, причем на каждом шагу приговаривал: «Прошу извинения... Виноват... Простите за беспокойство...» Вот он вышел из-под *касуэлы*¹, приветствовал альгвасила, уплатил шестнадцать мараведи служителю, поднялся по ступенькам и стал пробираться к нам — а мы сидели в первом ряду, у самой балюстрады. Как это он проник в театр: у входа творится сущее светопреставление, к дверям не пробиться, — удивился я, но сразу понял, что капитан решил воспользоваться не главным входом, а задней дверью — именно через нее попадали в театр дамы, — охранявший же ее служитель в кожаном нагруднике, призванном уберечь его от кинжалов тех, кто желал наслаждаться искусством задарма, в миру был помощником аптекаря Фадрике Кривого, закадычного приятеля Диэго Алатристе. Так что поход в театр, считая мзду привратнику, плату за вход, за место и благотворительный сбор, облегчил и без того не слишком пухлый кошелек капитана реала на два. Но сегодня давали «Сад Хуана Фернандеса», новую комедию Тирсо. В те времена, вместе с престарелым Лопе де Вегой и юным, но шибко идущим в гору Педро Кальдероном, этот монах ордена мерседарианцев, которого на самом деле звали Габриэлем Тельесом, приносил наибольшие доходы импресарио и артистам, доставлял наслаждение обожающим его зрителям, хотя, конечно, в славе и всенародном признании уступал великому Лопе, парившему в заоблачных высях. Кроме того, расположенный невдалеке от Прадо великолепный мадридский сад, подаривший свое имя комедии и служивший излюбленным местом для прогулок и любовных свиданий, был тогда в большой моде, так что, едва успела появиться на сцене переодетая мужчиной Петронила в сопровождении Томасы в лакейской ливрее, публика начала рукоплескать, не дожидаясь, когда блистательная комедиантка Мария де Кастро произнесет свою первую реплику. И даже так называемые мушкетеры, получившие сие прозвище за то, что, облакая по команде своего верховода Табарки критические отзывы в громовое шиканье, топот и пронзительный свист, являлись на представления в плащах, при шпагах и кинжалах, точно солдаты в караул, — так вот, даже они одобрительно били в ладоши и значительно, как истые ценители, покачивали головами, слушая слова Томасы.

А снискать одобрение мушкетеров — вещь немаловажная. В те времена, когда наравне с корридой театр влек к себе и патрициев,

¹ Места в зрительном зале, отведенные для женщин и духовенства. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

и плееев, одинаково пользуясь у тех и других любовью страстной и пристрастной, даже самые прославленные авторы в прологе старались польстить этой шумной и взыскательной части публики, ибо сказано:

...Вам надобно снискать сперва поддержку тех,
Кто предопределит провал или успех.

Поскольку в тогдашней нашей Испании, яркой и живописной, ни в дурном, ни в хорошем удержу и меры не ведавшей, невежественный лекарь мог, кары не страшась, морить пациентов кровопусканиями, продажный и растленный чиновник — безбоязненно запускать лапу в казну, а вот поэту неточная рифма или вялая интрига не сходила с рук. Казалось порой, что публика предпочитает плохие комедии хорошим, поскольку на вторых можно было лишь сидеть да хлопать, зато первые предоставляли простор для шиканья, гиканья, свиста, топота и заушательских отзывов во всеуслышание: «К черту! Пусть такое туркам показывают!» Распоследний тупица строил из себя знатока, любая дуэнья или дюжая мужеподобная служанка считала себя вправе звенеть ключами, выказывая свое неудовольствие по поводу затянутого монолога. И в театральной зале испанский народ, разъяренный тем, как бездарно им правят, мог вволю и всласть предаваться исконной национальной забаве — совершенно безнаказанно буйствовать и бушевать, вымещать накопившуюся досаду, изливать застоившуюся желчь. Не так ли в свое время поступил и Каин, который родился, само собой разумеется, в Испании, был идалго и старый христианин?

Но я отвлекся. Итак, мой хозяин пробрался к месту, которое мы держали для него до тех пор, пока некий зритель не потребовал, чтобы мы позволили ему сесть, а дон Франсиско, избегая ссоры не по миролюбивому складу характера, но по обстоятельствам времени и образа действия, уступил, предупредив чересчур настырного театрала, что, когда явится законный владелец, придется убраться. Дерзкая формула «там видно будет», которую произнес, усаживаясь, претендент, обрела оттенок боязливого уважения, ибо все и вправду стало видно и очевидно минуту спустя, когда дон Франсиско, пожав плечами, указал выросшему на ступеньках Алатристе на занятое место и тот обратил к пришлецу свой заиндевелый взгляд. Соперник — нетрудно было догадаться, что это разбогатевший простолоудин, поставлявший в столицу лед откуда-нибудь из Фуэнкаррала, и шпага на перевязи пристала ему не более,

чем корове седло, а Иисусу Христу аркебуза, — посмотрел на капитана, оценил пронзительную стынь его глаз, пышные солдатские усы, исцарапанную и выщербленную чашку эфеса, рукоять подвешенного справа кинжала. Без единого слова, безмолвно, как моллюск, он сглотнул, сделал вид, будто желает купить у разносчика стакан воды с медом, и посунулся в сторону, потеснив соседа слева, а капитану предоставив место на скамье во всей его целокупности.

— Соизволили наконец пожаловать, — сказал ему Кеведо.

— Вышла небольшая заминка, — ответил Алатристе, усаживаясь и поудобнее пристраивая шпагу.

От него, как бывало на войне, пахло потом и железом. Дон Франсиско заметил, что рукав его колета чем-то выпачкан.

— Кровь? — спросил он, вздернув брови за стеклами очков.

— Чужая.

Поэт значительно кивнул, отвернулся и промолчал. Ибо сам неоднократно утверждал, что дружба зиждется, помимо совместно выпитого, на умении драться плечом к плечу и промолчать в нужную минуту. Я тоже с некоторой тревогой посматривал на своего хозяина, а он ответил мне успокаивающим взглядом и мелькнувшим под усами слабым подобием улыбки.

— У тебя все в порядке, Иньиго?

— Все, капитан.

— Какова была интермедия?

— Очень хороша. «Попадавай карету» называлась, сочинение Киньонеса де Бенаvente. Мы хохотали до колик.

Но тут смолкли гитары, и разговор прервался. Мушкетеры, как всегда грубые и несдержанные, злобно зашипели, требуя тишины и обводя соседей зверскими взглядами. В касуэлах началось усиленное колыхание вееров, а многозначительное переглядывание с мужчинами, наоборот, прекратилось, разносчики с корзинами и объемистыми кувшинами удалились, а знатные люди вернулись на свои места в ложах, задернутых шторками. В одной из лучших я заметил графа де Гуадальмедину в компании приятелей и нескольких дам — мне было известно, что за эту ложу он платит две тысячи реалов в год, — а по соседству с ним — графа-герцога Гаспара де Гусмана Оливареса со всем семейством. Не хватало только его величества — Филипп Четвертый обожал театр и частенько появлялся тут под маской или инкогнито, — однако он был утомлен недавней поездкой по Арагону и Каталонии, где, кстати, в числе его сопровождавших лиц был и наш дон Франсиско, чья звезда разгоралась все ярче. Кеведо, разумеется, мог бы сидеть в любой

из лож, куда его с радостью пригласили бы наши гранды, но он любил потеряться в гуще народа и предпочитал живой и вольный дух партера, а кроме того, ему доставляло удовольствие ходить в театры в обществе Диего Алатристе. Этот бывший солдат и сущий *эспадачин* был достаточно образован, ибо книг прочел немало и порядочно разбирался как в литературе, так и в театре, и, хотя мнения свои, отличаясь крайней несловоохотливостью, высказывал не раньше, чем спросят, отлично видел все достоинства и пороки комедии, не давал себя обмануть дешевыми трюками, которые иные авторы во имя успеха у непритязательного простонародья использовали чересчур щедро. Это, разумеется, не касалось титанов — Лопе, Тирсо или Кальдерона: ибо, даже когда они прибегали к расхожим приемам, не отмеченным печатью безупречного вкуса, те получались у них совсем иными и отличались от ремесленных поделок, как небо от земли. Сам Лопе владел этим искусством несравненно:

Лишь стоит за комедию мне взяться,
На семь замков я запираю знания
И выношу Теренция и Плавта
Из дома прочь, чтобы немые книги
Своих подсказок не кричали в уши¹.

Это, однако, следует понимать не как покаяние нашего Феникса, но как объяснение того, почему он не желает потрафлять ученым мужам, последователям Аристотеля, которые хоть и бранили его комедии, однако же дали бы отрубить себе руку за право поставить под ними свою подпись, а главное — получать процент со сбора. Впрочем, я отвлекся: в тот вечер играли не Лопе, а Тирсо, что в данном случае не так уж важно. Комедия, относящаяся к разряду «плаща и шпаги», написанная превосходными стихами, с должной глубиной и основательностью изображала тогдашний Мадрид, лживый город — не город, а морок, — гиблое место, куда приходит солдат, желая получить за свою храбрость награду, которая от него уплывает. Порицалось там наше всегдашнее презрение к труду и тяга к роскоши — тоже, между прочим, национальный порок, и тогда, и потом неуклонно тянувший нас в пропасть, усугублявший нравственный недуг, который развалил необъятную империю, наследие отважных, непреклонных, жестоковых людей, после восьмисотлетней резни с маврами усвоивших, что терять им нечего, а обрести можно все. Над Испанией 1626 года,

¹ Перевод Н. Ванханен.

к коей относится мой рассказ, солнце еще не заходило, но стояло уже далеко не в зените. А окончательный закат былой славы пришлось мне своими глазами наблюдать семнадцать лет спустя, в долине Рокруа, когда под визг неприятельской картечи я, уже в чине прапорщика вздымая располосованное знамя над последним каре нашей несчастной, нашей стойкой пехоты, в ответ на вопрос французского офицера, сколько людей было в дочиста истребленном полку, сказал: «Считите убитых». Тогда же я закрыл глаза капитану Алатристе.

Но всемоу свой черед. А потому вернемся в Театр де ла Крус, где в тот вечер давали новую комедию Тирсо де Молины, от которой столь многого ожидали и которая стала причиной столпотворения, описанного мною ранее. И вот мы с капитаном и Кеведо смотрели на сцену, где меж тем начался *день второй*¹: из-за кулис вновь появились Петронила и Томаса, предоставив воображению зрителей дорисовать красоты сада, а о том, что это именно сад, скуппо намекала декорация в виде увитой плющом ограды. Краем глаза я видел, как Алатристе подался вперед, облокотился о барьер и орлиный профиль его четко обозначился в снопе света, проникшем через прореху в парусине, натянутой ради того, чтобы предвечернее солнце не слепило зрителей, ибо театр был выстроен на западной вершине холма. Обе комедиантки были чудо как хороши в мужских костюмах, ношение коих на сцене не смогли искоренить ни королевские указы, ни нападки инквизиции, — уж больно по сердцу приходилась сия вольность мадридским зрителям. Когда же в свое время несколько членов Совета Кастилии, чье безмерное фарисейство подхлестнуто было фанатизмом неких клириков, попытались вообще изгнать комедию со сцены, народ воспротивился единодушно и не отдал свою отраду, тем паче что ревнителям нравственности объяснили: часть сборов от каждого представления идет в пользу богоугодных заведений.

Итак, под аплодисменты битком набитого зала появились из-за кулис две женщины в мужском платье, и когда Мария де Кастро, исполнявшая роль Петронилы, подала свою первую реплику:

Поскорее все открой мне,
Места не найду в тревоге... —

мушкетеры, люди, как я уже говорил, взыскательные, в безмолвном одобрении привстали на цыпочки, чтобы лучше видеть, а дамы в ложах прекратили грызть орешки, жевать лаймы и сливы. Ма-

¹ В испанской комедии «золотого века» действия назывались «днями».

рия де Кастро была самой красивой и самой знаменитой комедианткой того времени, и, как ни в ком ином, воплощалась в ней пленительная и странная суть того, что называется «театром», вечно колеблющегося между зеркальным отображением — нужды нет, что зеркало это было порою кривым, — нашей повседневности и сновиденной прелестью самых возвышенных мечтаний. Мария, создание живое и пылкое, была отлично сложена и на лицо хороша как картинка, наделена огромными черными глазами, белейшими зубками, изящно очерченным и соразмерным ртом. Женщины завидовали ее нарядам, красоте и мастерству декламации. Мужчины млели от нее на сцене и домогались ее за кулисами, чему нимало не препятствовал супруг, Рафаэль де Косар, блистательный комедиант и любимец публики, о коем я поведаю вам в надлежащее время, а пока скажу лишь, что, помимо ярчайшего дарования, выдаваемого во всех ролях, будь то плутоватый слуга, изящный кабальеро или благородный старик-отец, был он славен еще и тем, что весьма охотно, безо всякой огласки и за приемлемую мзду предоставлял доступ к прелестям четырех или пяти актрис своей труппы: все они были или по крайней мере считались замужем и, следовательно, не нарушали королевских установлений, введенных в действие еще во времена великого нашего государя Филиппа Второго. Сам Косар с обезоруживающим бесстыдством говорил по этому поводу так: «Я впал бы во грех себялюбия и преступил бы завет милосердия, каковое есть важнейшее из добродетелей, если бы не дал наслаждаться искусством тем, кому оно по карману». В сих обстоятельствах законная его жена — впоследствии я узнал, что брак их был фиговым листком, прикрывавшим шашни обоих супругов, — Мария де Кастро, прибегаемая для особых случаев прекрасная арагонка с каштановыми волосами и нежно звенящим голоском, оказалась истинным сокровищем, почище золота инков. Короче говоря, к бесстыжему Косару с полнейшим основанием можно было отнести лукавый стих Лопе:

Супружеская честь — такая цитадель,
Где штурмовой отряд всегда отыщет щель.

Впрочем, отдадим должное Марии де Кастро, тем паче что это имеет отношение к нашей истории, — не всегда во вкусах своих и представлениях руководствовалась она только выгодой, не только алчностью горели порой ее прекрасные глаза. Недаром же говорится: «С одним — для достатка, с другим — чтобы сладко». Вот

в отношении этого «другого» и чтобы прояснить вам, господа, положение вещей, скажу, что Диего Алатристе и комедиантка были знакомы хорошо и близко: скандал, устроенный Каридад Непрухой накануне спектакля, и скверное настроение моего хозяина имели к сей близости самое непосредственное отношение, — и что, когда начался день второй, капитан не сводил пристального взора со сцены; я же поглядывал то на него, то на Марию. Ибо, с одной стороны, тревожился за него, а с другой — огорчился из-за трактирщицы, которую очень любил. Актриса и меня пробиравала до печенок, воскрешая в памяти события трех-четырёхлетней давности, когда я впервые увидел ее в Театре дель Принсипе на представлении «Набережной в Севилье», ознаменовавшемся побоищем в высочайшем присутствии и с участием принца Уэльского и Бекингема — тогда еще не герцога, а маркиза. Ибо если Мария де Кастро и не казалась мне прекраснейшей женщиной на свете — как вам известно, сей титул мною отдан был той, кому не иначе как сам Сатана даровал при рождении синие глаза, — то все же красота актрисы переворачивала мне нутро так же, как и всем лицам мужского пола. Разумеется, я и предполагать тогда не мог, сколь сильно осложнит она жизнь мне и моему хозяину, какие опасности навлечет на нас, — да что мы! даже нашему государю придется в те дни проскользнуть в буквальном смысле по лезвию — не бритвы, так шпаги. Обо всем этом я намереваюсь поведать вам, дабы новое приключение наше доказало: нет такой каверзы, которую ни измыслит дьявол, избрав орудием своим хорошенькую женщину, нет такого безумства, на которое ни подвигнет он мужчину, и такой пропасти, на край которой ни поставит он его.

Между вторым и третьим днями по зычному требованию мушкетеров пропеты были известные куплетцы под названием «Воровка донья Исабель», которыми с большим вдохновением и жаром порадовала нас Хасинта Руэда, малость перезревшая, но все еще аппетитная красотка. Впрочем, насладиться искрометным исполнением мне было не суждено, ибо тотчас же приблизился к нам служитель и сообщил сеньору Диего Алатристе, что его ожидают. Капитан многозначительно переглянулся с доном Франсиско, а куда он вставал и оправлял на левом боку шпагу, поэт неодобрительно покачал головой, примолвив:

Марионеткой не плясав на тонких нитях,
Блажен, кто без страстей сумел прожить,
Триkrát блажен, кто смог похоронить их.